

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПЕРВОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ УРАЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА Н. В. ЖИРЯКОВА

Константинов Сергей Иванович

Профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), доктор исторических наук, профессор,
e-mail: konstantinov2904@mail.ru

На основе архивных документов и автобиографии дается обзор жизни и деятельности первого председателя Уральского областного суда Николая Васильевича Жирякова. Освещается его карьерный рост от полкового писаря до председателя Екатеринбургского губернского революционного трибунала и первого председателя Екатеринбургского губернского суда. Рассматривается историческая обстановка Гражданской войны и судебного строительства первых лет советской власти.

Ключевые слова: Николай Васильевич Жиряков, Гражданская война, военный трибунал, выездная сессия губревтрибунала, красный террор, губернский суд, Уральский областной суд

SKETCHES FROM THE LIFE OF THE FIRST PRESIDENT OF THE URAL REGIONAL COURT N. V. ZHIRYAKOV

Konstantinov Sergei

Professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), doctor of historical sciences,
e-mail: konstantinov2904@mail.ru

Based on archival documents and an autobiography, the author describes the life and work of the first president of the Ural Regional Court Nikolai Vasilyevich Zhiryakov. His career growth from a regimental clerk to the head of the Yekaterinburg Provincial Revolutionary Tribunal and the first president of the Yekaterinburg Provincial Court is investigated. The article considers the historical surroundings of the Civil War and the court formation in the first years of Soviet rule.

Key words: Nikolai Vasilyevich Zhiryakov, Civil War, military tribunal, visiting session of the Provincial Revolutionary Tribunal, red terror, provincial court, Ural Regional Court

Екатеринбургские историки О. С. Поршнева и М. А. Фельдман в своем исследовании о взаимоотношениях власти и рабочих Урала в годы Гражданской войны обращают внимание на один из аспектов революционного бытия того времени. Грандиозный социальный лифт, гордость советской идеологии, в годы Гражданской войны «вынес» примерно 4 % рабочих Урала на различные руководящие должности в государственном и партийном аппаратах, в структурах общественных организаций. Однако это был путь в особую бюрократическую и военно-полицейскую «машину» власти. В 1918–1920 гг. малейшая провинность со стороны рабочего-выдвиженца, несогласие с партийными решениями влекли понижение в должности; в 1920-х гг. такое «вольномыслие» уже каралось исключением из партии; в 1930-х гг. – арестом. Рабочий во власти становился заложником партийно-государственного аппарата, социальная группа рабочих-выдвиженцев – временным строительным материалом в руках власти¹.

¹ Поршнева О. С., Фельдман М. А. Власть и рабочие Урала в условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений. Очерки истории и историографии: моногр. Екатеринбург, 2013. С. 354.

Типичным представителем таких рабочих-выдвиженцев и стал первый председатель Екатеринбургского губернского суда и Уральского областного суда Николай Васильевич Жиряков. Обратимся к его автобиографии, написанной в 1923 г. и хранящейся в Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО)¹.

Родился Николай Васильевич 26 февраля 1896 г. в Серебрянском заводе Нижне-Тагильского округа. Отец – заводской рабочий, печник, столяр и штукатур, мать – домохозяйка. В семье было пять детей, корова и четыре десятины покоса. Николай начал работать с 12 лет. Образование – низшее. Окончил двухклассное училище уездного земства, где пришлось учиться пять лет, но грамоту освоил успешно.

В 1912 г. уехал в Кушвинский завод, где стал работать «машинистом на пишущей машинке». С 1913 г. – конторщик на железной дороге в Екатеринбурге. Чтобы избежать досрочного призыва в армию в августе 1915 г., скрылся из города на Коноваловский завод, где работал с 1916 по 1918 г. и дорос до помощника бухгалтера завода. В октябре 1917 г. (в автобиографии подчеркнуто – «до Октябрьской революции») вступил в РСДРП(б), а в 1918 г. «механически» перешел в РКП.

Как признавался сам Жиряков, «глубокой марксистской подготовки не имею и изучать марксизм приходится случайно... В революционном движении до Февральской революции никакого участия не принимал». Толчок его карьере дала Февральская революция, когда Н. Жиряков был избран в волостной совет.

В августе 1918 г. Н. Жиряков по партийной мобилизации был призван в Красную армию и в течение месяца был полковым писарем. Оказался на Лысьвенском направлении в отряде особого назначения, которым командовал В. К. Рейхардт. 29 августа отряд В. К. Рейхардта был передан на пополнение 2-й уральской дивизии 3-й армии Восточного фронта, но вскоре был вновь выделен в особый отряд с непосредственным подчинением штабу армии. 1 октября 1918 г. организатором следственной комиссии и военно-полевого суда особого отряда Лысьвенского направления был назначен Н. Жиряков. Вскоре по распоряжению военкома особого отряда Бела Куна² Жиряков стал председателем следственной комиссии и секретарем военно-полевого суда.

Полки В. К. Рейхардта в начале декабря были разбиты под Лысьвой. С 10 декабря 1918 г., после переформирования в Перми, оставшиеся подразделения отряда пошли на усиление 29-й стрелковой дивизии. На части именно этой дивизии легла вся тяжесть зимнего наступления Сибирской белой армии 1918–1919 гг. и так называемой пермской катастрофы на красном Восточном фронте. Соединение было вынуждено отступать к Перми, а затем в район Вятской губернии³. Можно сказать, что мировоззрение будущего председателя Екатеринбургского трибунала и губернского судьи Жирякова формировалось отнюдь не в победоносных боях Гражданской войны, а тогда, когда приходилось беспощадно бороться с трусостью, массовым дезертирством, предательством.

С 1 февраля 1919 г. Жиряков – следователь военно-полевого контроля, переименованного в особый отдел 29-й дивизии. Затем – помощник начальника, а с 15 июня – начальник особого отдела особой бригады, переименованной позднее в 57-ю дивизию 3-й армии. Постановлением Совета труда и обороны от 15 января 1920 г. 3-я армия была преобразована в 1-ю Революционную армию труда.

¹ ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 2. Д. 144. Л. 1–2об.

² Кун Бела (1886–1938) – участник Первой мировой войны. В 1916 г. – военнопленный в России. Работал в журнале «Сибирский рабочий» (Томск), в 1917 г. – в отделе печати наркоминдела в Петрограде. Весной 1918 г. создал Венгерскую группу РКП(б) в Москве. Летом 1918 г. стал комиссаром особой бригады на Лысьвенско-Кыновском направлении. С ноября 1918 по 1919 г. – нарком иностранных и военных дел Советской Венгерской Республики. Летом 1920 г. – член РВС Южного фронта Красной армии, председатель ревкома Крыма. С 1921 г. – член президиума Исполкома Коминтерна. В 1921 г. – один из руководителей мартовской революции в Германии. В 1922–1923 гг. находился в Екатеринбурге, был членом Уралбюро ЦК РКП(б), заведующим отделом агитации и пропаганды. Видимо, сыграл немаловажную роль в жизни Н. В. Жирякова. Арестован 28 июня 1937 г., расстрелян 29 августа 1938 г., реабилитирован в 1955 г. (Екатеринбург: энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 310).

³ Дубленных В. В. Вооруженные формирования Урала периода гражданской войны. Исторические справки. Екатеринбург, 2002. С. 170–173, 188–190, 198–200.

С 20 апреля 1920 г. Н. В. Жиряков был членом военного трибунала армии, затем – заместителем председателя военного и железнодорожного трибунала. С 1 января 1921 г. Жиряков – заместитель председателя трибунала Приуральского военного округа и 1-й Армии труда со штабом в Екатеринбурге.

С 15 июля 1921 г. Н. В. Жиряков губкомом РКП(б) утвержден заместителем председателя Екатеринбургского трибунала, а с 15 февраля 1922 г. – его председателем. В 1921 г. в штат Екатеринбургского губернского трибунала входили 18 сотрудников, включая председателя и его заместителя.

Анализируя своеобразность создания трибунала в Екатеринбургской губернии, Н. В. Жиряков в докладной записке отмечал, что основой его становления был именно военный трибунал, а не наоборот. До реорганизации «Екатеринбургский губтрибунал существовал только на бумаге и не имел даже постоянной коллегии, за исключением трех полупаралитичных канцеляристов, которым место было не в трибунале, в чрезвычайном боевом органе, а в доме старчества». Жиряков так характеризовал «экономическую жизнь» трибунала: «...В этом отношении Екатеринбургский губревтрибунал находится в плачевном положении. В августе месяце с. г. сотрудники трибунала (за исключением ответственных), несмотря на боевую важную работу по продовольствию, с планового государственного довольствия оказались снятыми. И трибунал как таковой, не имея возможности предоставить им материальной поддержки, вынужден был часть сотрудников уволить, а часть разбежалась самовольно, и только уже в половине сентября нищенским выклянчиванием с применением угроз о снятии выездных продовольственных сессий удалось получить от губпродкома по 15 фунтов муки. Вопрос с обмундированием обстоит еще хуже. Почти у всех работников нет обуви и верхней одежды... За последнее время особенно преступники, учитывая слабую сторону трибунала, начинают практиковать предложение взяток и подкуп сотрудников...»¹

В 1920 г. ВЦИК издал несколько нормативных актов, в соответствии с которыми трибуналам предоставлялось неограниченное право определять меры репрессии вплоть до расстрела. В то же время на коллектив трибунала дополнительно возлагались и такие обязанности, как проведение выездных сессий для принуждения населения к выполнению государственного задания по сбору натурального продовольственного налога. Отношение к этим дополнительным обязанностям Н. В. Жирякова можно понять из его информации губернскому исполкому о проделанной работе: «В некоторых районах работа сессий принесла за собой результаты, превысившие самые смелые ожидания в сборе продовольственного налога... Однако ни на минуту не приходится упускать из вида то обстоятельство, что всякая угроза, повторенная несколько раз, ослабляет первоначальное впечатление, а при частом употреблении и теряет всякую силу. Поэтому Трибунал высказывает пожелание, чтобы призыв его в участие в сборе продналога совершался при появлении безусловной необходимости в этом, по исчерпанию иных, имеющихся в распоряжении административной власти средств»².

Юридическая подготовка кадрового состава трибунала оставляла желать лучшего. Так, по информации губернского прокурора, следственный аппарат губревтрибунала к 1922 г. состоял из восьми следователей. Старший следователь Бронислав Адамович Лешко, беспартийный, был единственным следователем с высшим юридическим образованием (работал в трибунале с 1 декабря 1920 г.); Иван Антонович Малых – единственный член РКП(б); Захар Моисеевич Шуголь, Алексей Павлович Корешков, Григорий Антонович Семенчук имели только начальное образование.

В коллегию ревтрибунала, по штату состоявшую из девяти человек, входило семь человек, все – члены РКП(б). Председатель – Н. В. Жиряков, заместитель председателя – Борис Сергеевич Знаменский (работал в трибунале с марта 1921 г., студент-юрист), председатель выездных сессий – Георгий Иванович Боев (с 1 января 1921 г., образование – четырехклассное горное училище). Среди членов коллегии были также Михаил

¹ ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 55. Л. 157; Павлова Л. А. Век слагается из вех. Екатеринбург, 2012. (Сер.: Каменный пояс: взгляд сквозь тысячелетия). С. 44.

² Павлова Л. А. Век слагается из вех. С. 43.

Федорович Халдеев (с 11 апреля 1922 г., высшее начальное училище), Павел Алексеевич Мальцев (с 28 ноября 1921 г., двухклассное училище), Павел Николаевич Османов (с 5 августа 1922 г., четырехклассное училище), Анисим Федорович Конев (с 28 июля 1922 г., начальная школа).

Пополнить штат, как докладывал прокурор В. Л. Горохов, не удавалось из-за низкой зарплаты и большого объема работы. К 10 октября 1922 г., например, на рассмотрении находилось 72 дела (по девять дел на каждого следователя)¹.

Крайний недостаток сотрудников трибунала отражался на качестве их работы, что подтверждали и сообщения с мест. В телеграмме от 29 января 1921 г. от заведующего Алапаевским политбюро (структура, входившая в губчека) Мягкова в Екатеринбургскую губчека сообщалось: «Имеется на гауптвахте Алапаевского гарнизона арестованных до ста пятидесяти человек, которые содержатся за Губревтрибуналом с октября прошлого года без предъявления обвинения. Помещение арестованных [в] санитарном отношении не соответствует. [В] охране ощущается недостаток, идет ропот среди арестованных. Просьба сообщить о времени выезда тов. Федорова для окончательного решения суда»².

Для характеристики выдвигенца из народа Н. В. Жирякова особый интерес представляет его деятельность в период борьбы с вооруженными выступлениями крестьянства эпохи военного коммунизма.

Продразверстка, зачастую проводимая с крайней жестокостью, вызвала яростное сопротивление крестьян. Нередки были истребления продовольственных работников и целых продотрядов. В ответ появлялись жесткие распоряжения военных властей. Так, приказ совета 1-й Революционной армии труда от 20 октября 1920 г. № 387 гласил: «...приказывается в тех местах, где будут иметь место убийства продработников: 1) Взятие заложников из среды кулацкого населения и расстрел части заложников. 2) Увеличение разверстки в полтора раза в волости, где произошло убийство продработника...»³

Сопротивление становилось все более массовым. Об этом свидетельствует доклад начальнику особого отдела ВЧК при Совтударме I Тунгусову начальника второго особого отделения особого отдела ВЧК при Совтударме I А. Деревнина: «В ночь с 8 на 9 февраля вспыхнуло первое восстание около ст. Макушино Курганского уезда... в Омском, Ишимском, Ялуторовском, Петропавловском, Тобольском и Курганском уездах [в восстании участвует] до 7000 человек»⁴. В этом же докладе четко указывалось на причины возмущения населения. В качестве натурального налога за неимением мяса домашнего скота местные власти заставляли сдавать мясо диких зайцев. А за неимением шерсти для сдачи натурального налога крестьяне вынуждены были стричь старые шубы для покрытия долга.

Пик выступления западносибирских крестьян пришелся на январь 1921 г. Численность восставших – несколько сот тысяч человек. «Усмирение» крестьян продолжалось вплоть до июля 1921 г. Погибло не менее 2 тыс. красноармейцев, 5 тыс. партийно-советских работников. Число погибших крестьян исчислялось десятками тысяч⁵.

В эти события был вовлечен и Жиряков. Приведем текст рапорта председателя реввоен трибунала председателю Совтударма I от 21 февраля 1921 г.: «Доношу, что в связи с вооруженными выступлениями в районах Камышловского и Шадринского уездов 19 февраля в названные уезды выехали две выездные сессии РВТрибунала в составе: 1) Председательствующий – зам. пред. РВТ т. Жиряков, член коллегии РВТ т. Спицын, военследователь Малых, инспектор-инструктор т. Тихонов, секретарь общей части Колегов и 5 красноармейцев. 2) Председательствующий – член коллегии т. Погорелов, член коллегии т. Боев, военследователь т. Соколов, секретарь исполчасти т. Фукс и 5 красноармейцев»⁶.

¹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 479. Л. 32–35.

² Там же. Д. 307. Л. 26.

³ Там же. Д. 795. Л. 103–104.

⁴ ЦДООСО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 307. Л. 151–151об.

⁵ Галин В. Гражданская война в России. За правду до смерти. М., 2017 (К 100-летию Русской революции). С. 281.

⁶ ГАСО. Ф. Р-574. Оп. 4. Д. 5. Л. 28.

Опубликованные документы Государственного архива Свердловской области о репрессиях участников Западно-Сибирского восстания 1921 г.¹ позволяют не только уточнить события тех лет, но и выявить роль в них Н. В. Жирякова.

С 12 февраля по 3 марта 1921 г. выездная сессия под руководством Жирякова работала в Шадринске. В 1920–1921 гг. широкое распространение на Урале и в Сибири получило явление, которое позднее будет названо красным бандитизмом. Речь идет не о государственном красном терроре, а о внесудебных расправах низового актива партийных и советских органов не только над реальными участниками и пособниками белого движения, но и над всеми неугодными лицами. «Можно быть разных мнений о красном терроре, – писал в газете «Вечерние Известия» 3 февраля 1919 г. современник событий старый большевик М. С. Ольминский, – но то, что сейчас творится в провинции, – это вовсе не красный террор, а сплошная уголовщина»².

Уродливые формы красный бандитизм принял и в Шадринском уезде: сотни арестованных без всяких к тому оснований крестьян, 60 расстрелянных только в с. Мехонском, самовольные конфискации, грабежи, мародерство (с арестованных снимали шубы, валенки, отбирали деньги и т. п.).

За период с 18 февраля по 29 марта 1921 г. выездная сессия реввоен трибунала Приуральского военного округа и 1-й Армии труда под руководством Н. В. Жирякова рассмотрела десять групповых дел крестьян десяти волостей, по которым проходили 444 человека, из них 276 были преданы суду. Выездная сессия трибунала приговорила: к заключению в концлагерь – 36 человек, в том числе 10 условно; к заключению в исправдом – 74 человека, в том числе 68 условно; к принудительным работам с лишением свободы – 10 человек, в том числе 8 условно; к принудительным работам без содержания под стражей – 28 человек; к расстрелу – 90 человек; оправдала 20 человек.

В то же время Жиряков пытался внести в карательный рейд элементы законности и пресечь явные злоупотребления властью. Так, его приказом от 25 февраля конвоирам было строго запрещено отбирать личные вещи и деньги у арестованных крестьян. Комиссару 209-го стрелкового полка ВНУС Заостровских было предписано принять меры против мародерства красноармейцев полка.

По окончании работы выездной сессии Н. В. Жирякова отозвали в Екатеринбург. В апреле 1921 г. на посту председателя выездной сессии его сменил другой работник реввоен трибунала – Ленский³.

Надо подчеркнуть, что Жиряков как председатель трибунала был поставлен в жесткие условия необходимости выполнения приказов в период Гражданской войны. Характерным руководящим документом того времени является, например, циркуляр председателя реввоен трибунала Республики от 23 февраля 1921 г. № 33/370: «...Пролетарское право, как практический метод организованного подавления буржуазии, имея своим базисом вечно меняющуюся экономику, руководствуется не общими нормами, рассчитанными на продолжительный период, а соображениями **революционной целесообразности**, зависящей от внутренней и международной ситуации данного момента... гражданская война еще не закончена и лишь центр тяжести ее перенесен на фронт хозяйственный, где нам придется дать грандиозный бой буржуазии, которую **убедить или устыдить нельзя, а можно лишь устрашить или раздавить**, а в таком случае политика РВТ должна подчиняться суровым и беспощадным законам войны, но вместе с тем общее положение Республики, в связи с вышепоставленными задачами, дает возможность ограничить применение высшей меры репрессии лишь определенными деяниями: шпионаж, измена, бандитизм, восстания и вооруженное неповиновение (подстрекательство и пособничество), крупное злостное хищение и истребление народного достояния... Осторожно и внимательно подходить к рабочим и крестьянам...»⁴

¹ «Судить буду группой по волостям». Документы Госархива Свердловской области о репрессиях участников Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Отечественные архивы. 2016. № 6.

² Цит. по: Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918–1923. М., 1990. С. 187.

³ «Судить буду группой по волостям». Документы Госархива Свердловской области о репрессиях участников Западно-Сибирского восстания 1921 г. См. также: ГАСО. Ф. Р-574. Оп. 4. Д. 2, 6, 8.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 34–35.

Не всегда приговоры к расстрелу приводились в исполнение. В списке лиц, осужденных к расстрелу Екатеринбургским губревтрибуналом с 1 января по 1 августа 1922 г., направленном в Верховный трибунал ВЦИК, сообщалось: «В списке – 81 человек. 10 из них умерли своей смертью. В основном – из беспартийных крестьян. Части расстрел заменен 5, 10 годами заключения, части – амнистией»¹. Председатель губревтрибунала Жиряков и помощник секретаря губревтрибунала Борисов приводили соотношение количества осужденных к высшей мере наказания и фактически расстрелянных², и получалось, что за 1921 г. из 51 осужденного реально было расстреляно 44.

Затухание Гражданской войны и переход к новой экономической политике настоятельно требовали выработки новой правовой политики, реорганизации судебных и правоохранительных органов. Декретом ВЦИК от 23 июня 1921 г. были упразднены военные трибуналы в военных округах, на фронтах, в армиях и дивизиях, существования которых в связи с прекращением военных действий более не требовалось³.

Тем временем работа судов в стране находилась на крайне низком организационном, кадровом и финансовом уровне. Принять активное участие в налаживании работы судов пришлось и Н. В. Жирякову. Одной из серьезных проблем стало финансирование судебной системы, что вызывало протесты работников судов, доходившие до крайних форм. Так, срочная телеграмма совещания народных судей Екатеринбургского уезда гласила: «Нарсудьям, Нарследователям, Канцелярскому составу Нарсудов Екатеринбургского Уезда за май [1922] выплачено 25 % жалования. С июня по сентябрь с переходом на местные средства жалования не получали. Авансы на разъезды, почтовые, канцелярские расходы не отпускаются. Технический состав разбегается. Дороговизна возрастает, потребности в связи с расширением увеличиваются. Проводнику революционной законности Суду угрожает опасность бездействовать. Съезд считает обязанностью просить о принятии срочных мер, чтобы дать судье возможность исполнять долг как подобает революционеру и гражданину. Ответ ждем, не разъезжаясь на места»⁴.

Работа судов беспокоила и партийные органы. Протокол заседания уездного комитета РКП(б) от 11 ноября 1922 г. гласил: «Бывший отдел юстиции распался на 3 части: Прокуратуру, Совет народных судей и Исправительные Заведения. Участков по губернии 60, в уезде 10 участков... По Екатеринбургскому уезду есть участки, где нерассмотренных дел до 600. Отсутствие классовой линии. Решения субъективны, большинство не в нашу пользу. Техническое несовершенство судей... Количество нерассмотренных дел по уезду на 1 октября более 5000. Отсутствие контроля партии. Кошелев: На всю губернию имеется лишь 2 экземпляра процессуального кодекса и 1 уголовного. Судьи судят, не зная, что вышел новый закон, и иногда на суде защитник выступает с законом, который судья не знает... Все упирается в средства снабжения (деньги)...»⁵

На фоне слабой работы судебной системы множились не только хищения государственного имущества, но и уголовные преступления. В этом отношении характерна докладная записка Н. В. Жирякова от 30 июня 1922 г. в губком партии «О развивающемся на территории Екатеринбургской губернии уголовном бандитизме и хищениях с Государственных складов, магазинов и т. п.». Приведем значительную выдержку из этого документа:

«За последнее время, начиная с февраля месяца, в Екатеринбургский губернский трибунал замечается усиленное поступление дел по преступлениям бандитско-экономического характера... Согласно справке Уголовного розыска с января по февраль месяц 1922 г. в районе Екатеринбурга и Верх-Исетского завода с разных казенных складов расхищено продуктов питания и предметов первой необходимости [стоимостью] до 2 миллиардов рублей... Что же касается уголовного бандитизма, то таковой, как тесно связанный с вышеприведенными преступлениями, процветает еще сильнее по числу индивидуальных преступлений... В уездах много случаев вырезки целых семей

¹ ГАСО. Ф. Р-574. Оп. 4. Д. 5. Л. 113–121.

² Там же. Л. 123–125.

³ Сборник Узаконений РСФСР. 1921. № 51. Ст. 294; Жильцов С. В. Смертная казнь в истории России. М., 2002. С. 272.

⁴ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 479. Л. 13.

⁵ Там же. Ф. 225. Оп. 1. Д. 307. Л. 36.

вместе с малолетними детьми. Проезд по грунтовым дорогам на лошадях считается опасным – нападения и грабежи не прекращаются... Если до сего времени хищения с Государственных складов носили мелочный характер, выражаясь в десятках, а самое большое в сотнях пудов, то за последнее время эти хищения возросли до тысяч и десятков тысяч пудов... Жалование сотрудников – от 1 до 4 млн рублей, с вычетом за паек, который выражается в одном пуде муки и 3 фунтах соли, из чего можно сделать логический вывод, что при таких условиях, особенно материальных, никто в Трибунале работать не может и не хочет, особенно специалисты-юристы... Что может быть хуже того, что Трибуналу, органу политическому, органу суровой расправы с преступниками, приходится использовать для работ осужденных им же преступников... Следователи Семенчук, Шигаев – бывшие белые офицеры; Османов – осужденный; помощник секретаря Разгильдеев, делопроизводитель Крохин, статистик Борисов также осужденные. По штату Губтрибунал должен иметь 87 человек, налицо состоит – 23. Если в мае 1921 г. рассмотрено в судебном заседании 41 дело с осуждением 593 человек, из которых расстреляно 135 человек, при штате Трибунала в 70 человек с красноармейским пайком, то в феврале 1922 г. рассмотрено 7 дел с осуждением 20 человек при штате Трибунала в 26 человек.

При этом распоряжением Центропрозыска были упразднены следственные аппараты в Губуголпрозысках, а их функции переданы в ведение следователям при Трибуналах и Народным следователям. За уголовным розыском были оставлены только розыскные действия. В дополнение к этому постановлением ВЦИК от 6 февраля 1922 г. упразднена ВЧК и ее местные органы, включая экономические отделы при Губчека, которые вели расследование по экономическим преступлениям. При этом все общеуголовные дела для расследования были также переданы в Ревтрибуналы и Нарсуды. Передача следствия по крупным и серьезным делам Трибуналам, следственный аппарат которых был не подготовлен, заставила последний расписаться в собственном бессилии¹.

Далее Н. В. Жиряков выдвинул ряд предложений по оказанию трибуналу помощи со стороны губисполкома и местных партийных организаций.

В отчете о деятельности прокуратуры с 1 октября по 31 декабря 1922 г. губернский прокурор В. Л. Горохов также отмечал, что положение судебных органов в губернии остается катастрофическим. После пятимесячного перерыва в выплате зарплаты работники нарсуда получили зарплату только в октябре 1922 г. В некоторых уездах перерыв в выплате зарплаты доходил до шести-семи месяцев². В такой непростой обстановке создавался судебный аппарат нового государства.

Подготовка к участию страны в Генуэзской конференции дала толчок к проведению судебной реформы 1922 г. В ходе реформы в декабре 1922 г. было принято решение об организации Екатеринбургского губернского суда. Его открытие состоялось 15 февраля 1923 г. В состав суда входили председатель, два его заместителя, составлявшие президиум суда, и 11 постоянных членов. Положение о судоустройстве, принятое 31 октября 1922 г., возлагало на губсуд обязанности надзора за деятельностью народных судов губернии, организация которых предусматривалась тем же Положением.

Первым председателем Екатеринбургского губернского суда с 15 февраля 1923 г. стал Н. В. Жиряков. Своими заместителями он назначил: по уголовному отделу – Бориса Сергеевича Знаменского, по гражданскому – Георгия Ивановича Боева. Они, как и 7 из 11 членов суда, были бывшими членами коллегии трибунала. Полный штат Екатеринбургского губернского суда вместе с техническими и оперативными работниками насчитывал 124 человека.

Участок работы Жирякову достался непростой. Прокурор Екатеринбургской губернии В. Л. Горохов в отчете прокурору Республики сообщал: «Народные суды в губернии политически безграмотны, не способны ориентироваться в УК и УПК, среди них процветает пьянство и взяточничество... губернский суд к весне 1923 г. находился в состоянии развала».

Комиссия в составе председателя Н. В. Жирякова, его заместителей и прокурора губернии, проверив в феврале 1923 г. профессиональную пригодность 66 работни-

¹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 479. Л. 16–23.

² Там же. Л. 57.

ков народных судов губернии, сразу отстранила от работы 15 человек. 17 человек были оставлены с условием замены при первой же возможности. Формулировки отстранения были следующие: за пьянство и взятки, неподготовленность и малограмотность, непонимание советского законодательства и даже за прежнюю судимость за взятки¹.

Уполномоченный губсуда по Екатеринбургскому уезду Р. Б. Кашанский докладывал о бедственном положении низовых работников суда: «В Екатеринбургский уезд входит 19 судебных участков, 7 следственных районов... Зарплата делопроизводителя суда – 500–600 руб. (на 2–3 пуда муки и больше ничего), тогда как в других учреждениях могли бы зарабатывать не менее 2000 руб. в месяц...»² Неудивительно было, как отмечал губпрокурор В. Л. Горохов, что бывший председатель Екатеринбургского военно-революционного трибунала Федоров перешел на работу бухгалтера в Тресте, а работник трибунала Погорелов стал коммерческим директором Треста в Нижнем Тагиле³.

Не лучшим было положение работников юстиции низового звена. На заседании президиума Камышловского уездного комитета РКП(б) 24 октября 1923 г. констатировалось, что «оплата работников Юстиции очень низка и хозяйственное положение органов Юстиции определенно невыносимо. Положение местного бюджета, однако, решительно не позволяет хотя бы в некоторой степени улучшить это положение...»⁴.

Все эти объективные и субъективные трудности в налаживании работы судебной системы пришлось преодолевать Н. В. Жирякову.

18 февраля 1924 г. по постановлению ВЦИК и СНК был создан Уральский областной суд, который объединил четыре расформированных губернских суда: Екатеринбургский, Пермский, Тюменский и Челябинский. Суд разместился по адресу ул. Малышева, 68. Это были постройки, растянувшиеся практически на весь квартал. Одноэтажный барак, примкнувший к зданию бывшей Американской гостиницы (ныне угол ул. Розы Люксембург – Малышева), рядом с ним – еще одно одноэтажное здание, а затем – двухэтажный угловой дом (ныне угол ул. Малышева – Гоголя). Внутри квартала находилось общежитие, в котором на протяжении полувека проживали работники суда, как оперативного состава, так и технические⁵.

Надо сказать, что Урал как промышленный район, где ввелась добыча золота, платины и драгоценных камней, всегда привлекал преступников, жаждущих легкой наживы. Кроме того, он издревле служил местом высылки уголовных преступников. Это наряду с общими социально-экономическими условиями способствовало тому, что в 1924 г. в Уральской области в среднем на каждые 10 тыс. человек совершалось 14 уголовных преступлений. Всего судами было возбуждено более 260 тыс. дел. Наиболее криминогенными являлись Екатеринбург, Златоуст, Тобольск, Челябинск, Троицк, Тюмень, Пермь⁶.

Меры по борьбе с преступностью принимались и председателем Екатеринбургского губсуда. Об этом говорят сохранившиеся документы. Так, в докладной записке от 14 июня 1923 г. в президиум фракции РКП(б) губисполкома Н. В. Жиряков сообщал: «Ввиду того, что за последнее время хищения платины и золота и спекуляция ими в районе приисков приобрели угрожающие размеры... правление Уралплатины предлагает открыть в районе приисков (Нижне-Тагильский Платиновый Округ) один участок Нарсуда и два следственных на средства Уралплатины. Прошу не отказать»⁷.

Отсутствие систематического образования и интенсивные физические и психологические нагрузки периода Гражданской войны привели Николая Васильевича к определенному пределу усталости. Он даже пытался сопротивляться своим новым назначениям, в частности выдвижению на пост председателя Екатеринбургского губернского

¹ ГАСО. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 14. Л. 32; Павлова Л. А. Указ. соч. С. 56–58.

² ЦДООСО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 307. Л. 36.

³ Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 262. Л. 47об.

⁴ ГАСО. Ф. Р-574. Оп. 4. Д. 9. Л. 68.

⁵ Павлова Л. А. Век слагается из вех. С. 59.

⁶ ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 181. Л. 51; Павлова Л. А. Творить суд по закону и чистой совести. Из истории судебной власти на Среднем Урале 1722–2004. Екатеринбург, 2004. С. 49.

⁷ ГАСО. Ф. Р-574. Оп. 4. Д. 9. Л. 73.

ского суда 1 января 1923 г. В октябре 1923 г. он был избран еще и кандидатом в члены губисполкома¹. Здесь, видимо, Николай Васильевич почувствовал, что достиг высшей точки своей карьеры и этот пост ему не по плечу. Он писал: «Газетной, журнальной и лекционной работы не нес, так как считаю, что [мое] интеллектуальное развитие стоит ниже той точки, которая требуется для этой работы... Целесообразнее мыслю использовать себя или в органах Юстиции Народным судьей, или в области хозяйственной – счетоводом, но никак не на должности председателя Губсуда, особенно в последнее время, когда право как таковое в связи с НЭП настолько развилось, что требует руководства для такой ответственной работы человека с специальным хорошим образованием и хорошего марксиста-теоретика»².

Тем не менее в списке председателей и заместителей председателей губернских и областных судов, утвержденных Наркоматом юстиции на 1924 г., председателем Уральского областного суда указан Жиряков³. Но уже с июля по октябрь 1924 г. фактически исполнял обязанности председателя суда заместитель Н. В. Жирякова Георгий Иванович Боев, а с октября 1924 г. по ноябрь 1925 г. председателем Уральского областного суда был В. М. Гуревич.

Дальнейшая судьба Н. В. Жирякова не установлена. Тем не менее можно констатировать, что судьба вынесенных к вершинам власти революцией представителей народа, как правило, оказывалась трагичной. Даже при полной убежденности в правоте того дела, которому они посвящали свою жизнь, обстановка Гражданской войны накладывала на них свой деформирующий личность отпечаток. Человек или ломался, приобретая способность к безусловному подчинению, или отходил от дел из-за непосильных для него, в том числе психологических, нагрузок. К последним можно, по-видимому, отнести и Николая Васильевича Жирякова. Ведь в 1924 г. ему исполнилось только 28 лет. Находясь на столь высоких и ответственных постах, Н. В. Жиряков отстаивал свою – так, как он ее понимал – правду. Писатель М. Осоргин высказал такую мысль: «Было бы слишком просто и для живых людей, и для истории, если бы правда была лишь одна и билась лишь с кривдой: но были и бились между собой две правды и две чести, – и поле битвы усеяли трупами лучших и честнейших»⁴.

Список литературы

Галин В. Гражданская война в России. За правду до смерти. М., 2017 (К 100-летию Русской революции).

Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 55. Л. 157; Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 181. Л. 51; Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 14. Л. 32; Ф. Р-574. Оп. 4. Д. 2; Д. 5. Л. 28, 113–121, 123–125; Д. 6; Д. 8; Д. 9. Л. 68, 73.

Дубленных В. В. Вооруженные формирования Урала периода гражданской войны. Исторические справки. Екатеринбург, 2002.

Еженедельник советской юстиции. 1924. № 10.

Екатеринбург: энциклопедия. Екатеринбург, 2002.

Жильцов С. В. Смертная казнь в истории России. М., 2002.

Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918–1923. М., 1990.

Осоргин М. А. Сивцев Вражек // Урал. 1989. № 7.

Павлова Л. А. Век слагается из вех. Екатеринбург, 2012. (Сер.: Каменный пояс: взгляд сквозь тысячелетия).

Павлова Л. А. Творить суд по закону и чистой совести. Из истории судебной власти на Среднем Урале 1722–2004. Екатеринбург, 2004.

Поршнева О. С., Фельдман М. А. Власть и рабочие Урала в условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений. Очерки истории и историографии: моногр. Екатеринбург, 2013.

«Судить буду группой по волостям». Документы Госархива Свердловской области о репрессиях участников Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Отечественные архивы. 2016. № 6.

Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 76. Оп. 1. Д. 262. Л. 47об.; Д. 307. Л. 26; Д. 479. Л. 13, 16–23, 32–35, 57; Д. 795. Л. 103–104; Ф. 225. Оп. 1. Д. 307. Л. 36, 151–151об.; Ф. 1494. Оп. 2. Д. 144. Л. 1–2об.

¹ ЦДОСО. Ф. 1494. Оп. 2. Д. 144. Л. 2.

² Там же. Л. 2об.

³ Еженедельник советской юстиции. 1924. № 10. С. 242.

⁴ Осоргин М. А. Сивцев Вражек // Урал. 1989. № 7. С. 86.

References

Dublennykh V. V. Vooruzhennyye formirovaniya Urala perioda grazhdanskoi voyny. Istoricheskie spravki. Ekaterinburg, 2002.

Ekaterinburg: entsiklopediya. Ekaterinburg, 2002.

Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii. 1924. № 10.

Galina V. Grazhdanskaya voyna v Rossii. Za pravdu do smerti. M., 2017 (K 100-letiyu Russkoi revolyutsii).

Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti. F. R-7. Op. 1. D. 55. L. 157; F. R-8. Op. 1. D. 181. L. 51; F. R-225. Op. 1. D. 14. L. 32; F. R-574. Op. 4. D. 2; D. 5. L. 28, 113–121, 123–125; D. 6; D. 8; D. 9. L. 68, 73.

Mel'gunov S. P. Krasnyi terror v Rossii 1918–1923. M., 1990.

Osorgin M. A. Sivtsev Vrazhek // Ural. 1989. № 7.

Pavlova L. A. Tvorit' sud po zakonu i chistoi sovesti. Iz istorii sudebnoi vlasti na Srednem Urale 1722–2004. Ekaterinburg, 2004.

Pavlova L. A. Vek slagaetsya iz vekh. Ekaterinburg, 2012. (Ser.: Kamennyi po yas: vzglyad skvoz' tysacheletiya).

Porshneva O. S., Fel'dman M. A. Vlast' i rabochie Urala v usloviyakh Grazhdanskoi voyny: problemy vzaimootnoshenii. Ocherki istorii i istoriografii: monogr. Ekaterinburg, 2013.

«Sudit' budu gruppoi po volostyam». Dokumenty Gosarkhiva Sverdlovskoi oblasti o repressiyakh uchastnikov Zapadno-Sibirskogo vosstaniya 1921 g. // Otechestvennyye arkhivy. 2016. № 6.

Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti. F. 76. Op. 1. D. 262. L. 47ob.; D. 307. L. 26; D. 479. L. 13, 16–23, 32–35, 57; D. 795. L. 103–104; F. 225. Op. 1. D. 307. L. 36, 151–151ob.; F. 1494. Op. 2. D. 144. L. 1–2ob.

Zhil'tsov S. V. Smertnaya kazn' v istorii Rossii. M., 2002.